

ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

научный и общественно-политический журнал

ТОМ 82 № 3 2012 Март

Основан в 1931 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN: 0869-5873

*Журнал издаётся под руководством
Президиума РАН*

*Главный редактор
Ю.С. Осипов*

Редакционная коллегия

Ж.И. Алфёров, А.Ф. Андреев, В.Н. Большаков, А.А. Боярчук,
В.И. Васильев, Г.С. Голицын, А.А. Гончар, А.И. Григорьев,
А.П. Деревянко, Ю.М. Каган, А.И. Коновалов,
В.В. Костюк (заместитель главного редактора), Э.П. Кругляков,
Н.П. Лавёров, И.М. Макаров, Г.А. Месяц, Ю.В. Наточин,
А.Д. Некипелов, О.М. Нефёдов, В.И. Осипов, Р.В. Петров,
В.В. Пирожков (ответственный секретарь),
Д.В. Рундквист, Ф.Г. Рутберг, А.С. Спирин, В.С. Стёпин,
Л.Д. Фаддеев, Е.П. Челышев, А.О. Чубарьян,
Н.П. Шмелёв, В.Л. Янин

*Заместитель главного редактора
Г.А. Заикина*

*Заведующая редакцией
В.В. Володарская*

Адрес редакции: 119049 Москва, Крымский вал, Мароновский пер., 26,
тел./факс 8(499) 238-21-44, 8(499) 238-21-23; тел. 8(499) 238-25-10
E-mail: vestnik@naukaran.ru

Подписка на “Вестник РАН” по Москве
через Интернет WWW.GAZETY.ru

Москва
Издательство “Наука”

СОДЕРЖАНИЕ

Том 82, номер 3, 2012

Наука и общество

Г.Г. Матишов

Причины роста напряжённости и поиск путей стабилизации на Северном Кавказе 195

С кафедр Президиума РАН

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков

Новая модель формирования человека современного физического вида 202

Проблема происхождения человека: актуальный подход. *Обсуждение научного сообщения* 212

А.Ф. Дьяков

Пути повышения надёжности энергоснабжения страны 214

Основные направления совершенствования энергетического комплекса. *Обсуждение научного сообщения* 224

Обозрение

В.П. Дымников, В.Н. Лыкосов, Е.М. Володин

Моделирование климата и его изменений: современные проблемы 227

Проблемы экологии

О.Ф. Васильев

Создание систем оперативного прогнозирования половодий и паводков 237

С.Л. Шварцев

Внутренняя эволюция геологической системы вода–порода 242

Эпюды об учёных

Н.А. Григорьян

Вдохновенный труженик науки

К 125-летию со дня рождения академика И.А. Орбели 252

Былое

В.И. Мамай, Е.А. Коган, Л.Г. Корнейчук

Научная школа Э.И. Григолюка в области механики деформируемого твёрдого тела 259

Научная жизнь

Г.Е. Заиков, Л.А. Зимица

Химическая физика вчера, сегодня, завтра 265

Размышления над новой книгой

М.К. Горшков, В.В. Колбановский

Самокритика марксизма как прогресс в философии и социологии 267

Официальный отдел

Президиум РАН решил. – Юбилеи. – Награды и премии 272

Демидовская премия 2011 года 282

В конце номера

А.Н. Нестеренко

Историческая память и современность 284

В КОНЦЕ НОМЕРА

Поиск национальной идентичности нацелен преимущественно на обращение в прошлое, считает автор публикуемой статьи. Ярким свидетельством тому был проект “Имя России”. Насколько в современных условиях оправдана такая постановка вопроса? Другими словами, может ли прошлое стать основой сплочения нации для реализации проектов модернизации?

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Управление обществом связано с формированием реферативных образцов, закрепляющихся в культуре. Их комбинации образуют “коллективную память”, или совокупность воспоминаний, которые являются слепками общества в данный исторический период. Какие же события закрепляются как системообразующие элементы коллективной памяти? Те, которые символизируют собой образец поведения, ориентир для подражания. В данных образцах выражена общая позиция группы; они не только воспроизводят её прошлое, но и формируют её настоящее, определяя представление членов группы о себе и отношении к другим группам. Коллективная память формализуется в текстах, образах и символах, отвечающих на вопросы “кто мы?” и “кто другие?”.

Представление об общем прошлом, уводящем в глубину веков, имеет фундаментальное значение для сплочения социальных групп: чем древнее история сообщества, тем многочисленнее его внутренние связи, и тем, следовательно, оно сплочённее.

В отличие от непрерывно меняющейся социальной реальности, образцы прошлого, которые хранятся и воспроизводятся в коллективной памяти, неизменны, по крайней мере, до очередного этапа переосмысления истории, и передают ценности, определяющие поведенческие нормы. Но это не воспоминания о реальных исторических событиях, а симулякры, поэтому Ян Ассман относит их к “культурной памяти”, которую описывает как одну из областей “внешнего измерения” человеческой памяти. Всего же он различает четыре вида памяти: миметическую (сфера поступков), предметную, коммуникативную и культурную [1].

Культурная память “может осуществляться лишь искусственно, в рамках институций” [1, с. 45]. Искусственный характер культурной памяти связан с тем, что она существует только на основе кодирования, в результате чего материализуются “пункты фиксации”, к которым Ассман относит тексты, изображения, монументальные постройки. Данное кодирование осуществляется не самопроизвольно, а в ходе деятельности определённых социальных институтов, таких как церкви,

СМИ, институты культуры и образования, и в их рамках реализуется группами, которые выполняют функцию хранителей и носителей традиции. — “жрецами”¹.

Один из модусов культурной памяти — историческая память. Её функция — создание идеального образа прошлого таким, каким оно должно было бы быть, чтобы оправдать легитимность существующего институционального порядка и пробудить чувство гордости за принадлежность данной “мы-группе”, ощущающей своё единство. Особенность исторической памяти заключается в том, что для неё не имеет значения, истинные или ложные представления лежат в основе идеального образа.

С точки зрения науки, созданный в культурной памяти образ представляет собой результат некритического восприятия умозрительных посланий исторических теорий и мифологем. При этом историческую мифологию, лежащую в основе исторического модуса культурной памяти, следует отличать от собственно исторической науки, которая призвана представлять знание, основанное на фактах и в силу этого “нейтральное по отношению к идентичности” [1].

Роль мифа в культурной памяти заключается в том, что он формирует идеалы и ценности, на основе которых индивид относит себя к тому или иному воображаемому сообществу. При этом важно, насколько миф соответствует реальности. Важны мотивы и эмоции, которые он порождает в индивидуальном сознании.

Феномен эксплуатации мифических образов исторической памяти присутствует у всех народов. В отечественной культурной памяти одной из значимых фигур является Александр Невский. В результате многовековой формализации он стал носителем референтных качеств для “мы-группы” и преподносится как один из основополагающих образов национальной идентичности. Мифический

¹ Термин “жрец” в данном случае обусловлен тем, что речь идёт о мифотворчестве. Поскольку миф есть иррациональное мнение, не основанное на фактах в отличие от рационального научного знания, то его создатели не могут рассматриваться как представители науки.

образа Александра Невского таков, что ему посвящены многочисленные произведения искусства и литературы, а в большинстве крупных населённых пунктов в его честь возведены храмы, часовни или церковные приделы.

Следует признать, что де-факто историкам зачастую не удаётся остаться нейтральными по отношению к социальному заказу и стереотипам “мы-группы”. Особенно успешно историческая наука превращается в мифотворчество, когда свобода доступа к информации ограничена. “В такой ситуации искусный пропагандист обладает почти неограниченной властью над сознанием людей, и даже самые из них разумные и независимые в суждениях не могут полностью избежать пропагандистского влияния, если они отрезаны от других источников информации” [2, с. 104]. Именно поэтому историческая наука представляет собой не столько процесс аккумуляции исторического знания, но в большей степени движение интерпретаций, отражающих изменения в саморефлексии “мы-группы”. В рамках данного дискурса формируются определённая схема (зачастую ошибочная с точки зрения фактов) восприятия исторических событий и заданная их трактовка.

В результате культурная память может в той или иной степени верно отражать объективную реальность, но, с другой стороны, включать мифологический или реальный объект, представленный несколькими конкурирующими образами, нередко прямо противоположными друг другу. Примером может служить образ Сталина как успешного руководителя и организатора и его же образ как тирана и палача.

В отличие от культурной памяти, коммуникативная память² не нуждается в специальных носителях, поскольку актуализируется и реализуется на уровне повседневного социального взаимодействия. Принципиальное отличие коммуникативной памяти от культурной наглядно показал опрос, проведённый в рамках телепроекта 2008 г. “Имя России” [3]. Большинство голосов было отдано именно за фигуру коммуникативной памяти — Сталина, о времени правления которого респонденты имеют или личные воспоминания, или сведения, полученные непосредственно от тех, кто жил в его время³.

Образ Александра Невского, о реальной жизни которого практически ничего не известно ни из исторической науки, ни из коммуникативной памяти, является исключительно феноменом

культурной памяти. В качестве символической составляющей концепта коллективной идентичности образ Александра Невского формировался искусственно, и создавался он не самими участниками процесса социального взаимодействия, а “жрецами” культурной памяти.

Какие концепты коллективной идентичности запечатлены в образах Александра Ярославича? Почему именно этот исторический персонаж выбран “жрецами” культурной памяти в качестве одного из основных её героев? По мнению Ф.Б. Шенка, Александр смог развиваться в многогранную фигуру памяти, поскольку в его биографии уже кажутся предначертанными многие основные вопросы, определявшие в последующие столетия важные компоненты идентичности русской истории. Эти дискурсы могут быть предварительно обозначены оппозициями “централизм—регионализм”, “авторитарное правление—вечевая демократия”, “православие—католический мир”, “Россия—Запад”, а также “Россия—Азия”. Александр снова и снова оказывался легко переозначиваемой фигурой памяти, что было возможно не в последнюю очередь потому, что о его жизни сохранилось относительно немного фактической информации, а его биография оставляет открытым пространство для игры интерпретаций [4, с. 22].

Таким образом, степень актуальности и востребованности знания о прошлом, транслируемого в исторической памяти, определяется не его достоверностью, а степенью соответствия настоящему моменту жизни группы. Чем универсальнее и адаптивнее это знание к изменяющимся условиям жизни, тем больший исторический период востребовано оно в качестве основы понимания идентичности. Следовательно, для исторической памяти важнее не её соответствие фактам, а эффективность применения в деле сплочения “мы-группы”, в интересах которой и трактуются реальные события прошлого, и сочиняются события, которых в реальности не было.

Одна из главных функций мифа в культурной памяти — выработка представления о границах “мы-группы” на основе создания образа врага. В этом контексте миф выступает не только как средство формирования массового сознания, но и как одна из движущих сил истории, которая знает много примеров, когда мифологические идеи пробуждали социальную активность.

В качестве символической фигуры национальной идентичности образ Александра Невского наглядно демонстрирует отличие культурной памяти от коммуникативной и то, насколько симулякр отличается от реальной личности и её действительного места в истории. “Соблюдение Русской земли от беды на Востоке, знаменитые подвиги за веру и землю на Западе доставили Александру славную память на Руси и сделали его

² Коммуникативная память основана на личном опыте и не отличается формализацией. Это преимущественно устная традиция, возникающая в ходе повседневного спонтанного социального взаимодействия.

³ Организаторы проекта вынуждены были “подправить” итоги голосования, чтобы первое место занял политкорректный Александр Невский.

самым видным историческим лицом в древней истории от Мономаха до Донского» [5, с. 155] — такова типическая оценка личности Александра Ярославича в отечественной историографии.

Оксфордский медиевист Дж. Феннел в этой связи задаётся вопросами: «Какие выводы можно сделать из всего того, что мы знаем об Александре, его жизни и правлении? Был ли он великим героем, защитником русских границ от западной агрессии? Спас ли он Русь от тевтонских рыцарей и шведских завоевателей? Стоял ли он непоколебимо на страже интересов православия против посягательств папства? Спасла ли проводимая им политика уступок Северную Русь от полного разорения татарами? Диктовалось ли его самоуничтожение, даже унижение перед татарами в Золотой Орде самоотверженным стремлением к спасению Отчизны и обеспечению её устойчивого будущего? Мы, конечно, никогда не узнаем истинных ответов на эти вопросы. Но те факты, которые можно выжать из коротких и часто вводящих в заблуждение источников, даже из умолчаний “Жития”, заставляют нас серьёзно подумать, прежде чем ответить на любой из этих вопросов утвердительно» [6, с. 162].

Действительно, анализ источников позволяет сделать вывод, что в коммуникативной памяти Александр Ярославич совсем не отождествлялся не только с национальным символом, но и даже с образом выдающегося полководца, дипломата или государственного деятеля. Например, о смерти Андрея Александровича (старшего сына Александра Ярославича) новгородский летописец сообщает: “В лето 6812 (1304) преставился великий князь Андрей Александрович, внук великого Ярослава” [7, л. 154], то есть летописец всего через 40 лет после смерти Александра Ярославича не считает его имя достойным упоминания в одном ряду с именами его отца и сына.

Зато через два столетия церковное “Житие”, описывая смерть Александра, придаёт этому событию значение всенародного горя и “погибели земли Русской”. Оно сообщает, что узнав о смерти князя, митрополит Кирилл так объявляет об этом народу: «“Дети мои милые! Знайте, что уже зашло Солнце земли Русской”, и все люди завопили в ответ: “Уже погибает!”» [5, т. 2. с. 136]. В более поздних редакциях “Жития” второй половины XVI в. митрополит в своём обращении к народу говорит: “Уже не найдётся подобный ему князь в земле Суздальской” [9, с. 159].

Сообщает “Житие” и о якобы всемирной прижизненной известности Александра Ярославича, чьё имя “прославилось во всех странах, от моря Хонужского и до гор Араратских, и по ту сторону моря Варяжского и до великого Рима” [8, с. 434]. При этом в зарубежных источниках, к примеру, нет упоминаний о Невской битве, а из трёх русских летописей того периода — Новгородской

первой, Лаврентьевской и Ипатьевской — о ней свидетельствует только первая. Причём летописец пишет не о нападении шведов, как сложилось в отечественной историографии, а о войске, состоявшем из шведов (“свеев”), норвежцев (“муроманов”) и финнов (“емь”). Предводителем интернационального воинства называется не шведский ярл, а некий воевода Спиридон, павший в этом сражении [7].

Летописец Владимиро-Суздальской Руси, из которой прибыл в Новгород на княжение Александр Ярославич, говоря о 1240 г. — годе Невской битвы, — сообщает только о двух важных для истории событиях: рождении у Великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича (отца Александра Невского) дочери Марии и взятии Киева татарами [10].

К лику святых Александра Ярославича после его смерти новгородцы и псковичи не причислили. Это сделали полтора века спустя во Владимире, который Александр ни от каких врагов не спасал. До присоединения к Московской Руси в Новгороде почитали святого князя Мстислава Ростиславича Храброго (умер в 1179 г.), который оборонял Новгород от князя Андрея Боголюбского и суздальцев. В Пскове были свои святые князья: Довмонт (после крещения Тимофей) и Всеволод.

Таким образом, Александр Ярославич не оставил заметного следа в коммуникативной памяти, зато усилиями “жрецов” культурной памяти за два-три века его образ стал одним из фундаментальных концептов национальной идентичности.

На основе метаморфоз формирования мифологемы Александра Невского можно проследить, как в исторической памяти возникают и складываются символы национальной идентичности. Монахи Рождественского монастыря г. Владимира, стоявшие у истоков рождения данного мифа, преследовали прагматичную цель: вернуть этой обители первенство перед лицом стремительно растущего в Московской Руси значения Троице-Сергиева монастыря. После Куликовской битвы, когда влияние Сергия Радонежского на двор Великого князя стало угрожать значению Рождественского монастыря, имевшего статус главной обители Владимиро-Суздальской Руси, его монахи начали процесс канонизации Александра, явив чудесное открытие его мошей. Но несмотря на это, широкого хождения культ Александра Ярославича до Ивана Грозного не получил, в том числе потому, что главным врагом Московской Руси после Куликовской битвы стали татары, с которыми Александр не воевал, а наоборот, проявил себя в качестве верного слуги Орды и коллаборациониста, в частности, приняв непосредственное участие в подавлении антиордынского выступления своего младшего брата Андрея, бла-

годаря чему и занял его место Великого князя Владимирского.

Как фигура общенационального масштаба образ Александра Невского начал формироваться только во второй половине XVI в., когда Ивану Грозному потребовалось идеологически обосновать необходимость истребления Новгорода⁴ и агрессии против Запада, за которую его подвергли критике даже иерархи Русской православной церкви. Так, когда началась война с Ливонией, духовник царя Сильвестр выступил против неё, утверждая, что «вместо того, чтоб воевать с христианами, слабыми, безвредными, лучше воевать с неверными, беспрестанно опустошающими границы государства» [5, т. 3. с. 507]. Несомненно, Ивану Грозному, который вёл своё генеалогическое древо напрямую от римских цесарей, было важно, чтобы московская княжеская династия имела своим непосредственным предком святого⁵.

Новую смысловую нагрузку образ Александра Ярославича в исторической памяти получает при Петре I, который объявляет его «небесным покровителем» Петербурга и устраивает пышный перенос мощей Александра из Владимира в новую столицу, хотя останки, которые выдавались за мощи князя, согласно летописным свидетельствам, погибли при пожаре ещё в 1491 г. [10, с. 221]. Формализация и кодификация образа Александра Невского в исторической памяти продолжалась до революции 1917 г. и возобновилась в 30-е годы прошлого века.

Поскольку документальные источники не позволяют сделать вывод о том, что Александр Ярославич был выдающимся полководцем и спасителем Отечества, советские историки, вопреки атеистическим установкам, вынуждены были обращаться к православной литературе — церковному «Житию святого правоверного князя Александра Невского». Очень распространённый приём — цитирование мест из летописей, которые самим летописцем заимствованы из «Жития». Например, В.Т. Пашуто пишет: «Не удалось крестonosным грабителям «укорить Словенский язык ниже себе»» [12, с. 851]. При этом он ссылается на текст Новгородской первой летописи младшего извода и не указывает, что эти слова принадлежат не летописцу, а автору «Жития». Молчит Пашуто и о том, что в более ранней версии той же летописи — Новгородской первой летописи старшего извода — ничего подобного нет. Более того, «Житие святых» не является документом, по которому возможно реконструировать

⁴ В ходе карательной экспедиции в 1570 г. было уничтожено практически всё население Новгорода и его окрестностей в радиусе около 200 км. Жертвами резни, по некоторым оценкам, стали около 60 тыс. человек.

⁵ Первый Московский князь Даниил Александрович (1261–1303) был сыном Александра Ярославича.

фактическую историю. Ещё В.О. Ключевский писал: «Житие не биография, а назидательный панегирик в рамках биографии, как и образ святого на иконе не портрет, а икона», а также «Не все биографические черты в житии суть исторические факты. Жития сообщают очень мало конкретных фактов» [13, т. 2. с. 240, т. 7. с. 75].

Последние знаковые моменты обращения к образу Александра Невского — объявление его победителем телепроекта «Имя России» (ГТК «Телеканал Россия») и возрождение в 2010 г. ордена Александра Невского в качестве государственной награды РФ.

Возникает вопрос: насколько продуктивно использование концептов национальной идентичности, основанных на мифологических образах, и вообще обращение к исторической памяти, особенно если принять во внимание тот факт, что образ Александра Невского основан на ложных нарративах и потерявших актуальность интерпретациях исторических фактов?

Согласно известной метафоре, историю пишут победители. Следовательно, задача «жрецов» исторической памяти — обосновать легитимность сложившегося статус-кво. Но какое влияние на настоящее оказывают воспоминания о прошлом? Поскольку они формируют идентичность, то всякая группа представляет собой то, что она сама о себе помнит, и эта память обусловлена не её фактической историей, а той, которая хранится и воспроизводится в культурной памяти. Однако мифы слишком далеки от реальности, чтобы на их основе изменять настоящее и делать прогнозы на будущее. В отличие от мифологической рациональная картина мира, по сути, является релятивистской. Она утверждает, что системы ценностей относительно и связаны с определённым временем. В рамках рациональной парадигмы никакие интерпретации исторических фактов не считаются абсолютно истинными, но представляют позицию, отражающую те или иные интересы.

Рациональное понимание истории приводит к следующему выводу: наиболее эффективными являются социальные системы, которые отказались от стереотипов прошлого в пользу максимальной адаптации к переменам действительности, а единственный урок, извлекаемый из истории, — успех достаётся тем странам, которым удавалось обрести свою идентичность в радикальном отрицании исторического опыта. Например, Соединённым Штатам с 1776 г., Германии и Японии после 1945 г. Верно и обратное: народы, претендующие на религиозную или расовую идентичность, вряд ли окажутся лидерами XXI в., поскольку сейчас успех или неудача модернизации определяется соответствием её целей не национальным традициям, а современным экономическим тенденциям. Практически вся история человечества, включая новейшую, была

политической и военной, а история постмодерна уже совершенно другая — экономическая и научно-техническая.

А.Н. НЕСТЕРЕНКО

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. *Хайек Ф.А.* Дорога к рабству. Пер. с англ. М.: Экономика, 1992.
3. <http://www.nameofrussia.ru>
4. *Шенк Ф.* Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007.
5. *Соловьёв С.М.* Сочинения. В 18 кн. М.: Мысль, 1991.
6. *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М.: Прогресс, 1989.
7. Новгородская первая летопись старшего извода (Синодальный список) // Полное собрание русских летописей. 2-е изд. Т. 3. (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов). М.: ЯРК, 2000.
8. Повести о житии и о храбрости Благоверного и Великого князя Александра // Памятники литературы древней Руси. XIII век. М.: Худож. лит., 1981.
9. *Бегунов Ю. К.* Александр Невский: Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М.: Молодая гвардия, 2003.
10. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М.: ЯРК, 1998.
11. Полное собрание русских летописей. Т. VIII. М.: ЯРК, 2001.
12. *Пауто В.Т.* Решающие победы русского народа над шведскими и немецкими захватчиками (1240–1242 гг.) // Очерки по истории СССР. Период феодализма (XI–XV вв.). Ч. 1. М.: Гос. издат. полит. лит., 1953.
13. *Ключевский В.О.* Собрание сочинений. В 9 т. Т. 2. С. 240. Т. 7. С. 75. М.: Мысль, 1987.

Сдано в набор 23.12.2011 г.

Подписано к печати 24.02.2012 г.

Формат 60 × 88¹/₈

Офсетная печать

Усл. печ. л. 12.0

Усл. кр.-отт. 26.0 тыс.

Уч.-изд. л. 12.5

Бум. л. 6.0

Тираж 2098 экз.

Зак. 2171

Свидетельство о регистрации № 0110150 от 04.02.93 г. в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6